

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПОД РУКОВОДСТВОМ РЕДАКЦИОННОГО КОМИССИИ РАН

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

Журнал издается под руководством Президиума РАН
выходит с 1976 г. 6 раз в год

6
2015



«НАУКА»
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

В.Л. Тамбовцев. Социальная политика: нерешенная задача научного об- основания	5
Т.В. Чубарова. Государство социальных инвестиций – новый поворот в социальной политике?	14
Е.А. Шварц, Е.А. Симонов. От экологических угроз к новым правилам и инструментам развития в Евразии	29

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В.Я. Гельман. “Порочный круг” постсоветского неопатриотизма	34
Г.И. Мусихин. Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка	45

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я.Г. Шемякин. Феномен модернизации: цивилизационное измерение. Статья 1. Межцивилизационное взаимодействие: предпосылка, условие и историческое содержание процесса модернизации	58
В.М. Кудров. Нужно ли ностальгировать по СССР?	73

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

И.В. Стародубровская. Как бороться с радикализмом молодежи на Север- ном Кавказе?	84
--	----

МЕТОДОЛОГИЯ

П.А. Ореховский. Авторитетный дискурс российского экономиста	97
Е.В. Балацкий. Концепция антихрупкости социальных систем и ее прило- жения	116
П.В. Усанов. Феноменология как основание политической экономии	131
А.В. Родин. Диалектика индивидуального и коллективного в коммуникатив- ной деятельности современного общества	142

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

Н.С. Розов. Ускорение истории: причинные механизмы и пределы	151
--	-----

КУЛЬТУРА

Б.Е. Степанов. Борис Дубин и российский проект социологии культуры	163
Указатель материалов, опубликованных в журнале в 2015 году	174

Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка

Г.И. МУСИХИН

Автор показывает, что благодаря символическому мышлению люди одновременно могут выступать как субъектами, так и объектами социальной жизни. В статье доказывается, что анализ языка политики, компетенций политики и политической информации рассматриваются как академическим сообществом как самостоятельные модусы политической реальности. При этом внимание акцентируется на том, что говорить, думать и знать в контексте политики приходится одновременно. Поэтому концептуальный акцент в данном исследовании делается не на политической онтологии, гносеологии и семантике как таковых, но на взаимосвязях в политической сообществе. Показано, что символическое пространство политики возникает как спонтанное неконвенциональное социальное взаимодействие при этом устоявшиеся (и уже конвенциональные) модели отношений, что не фиксируется в рамках позитивистского подхода. Автор утверждает, что понимание речи как социальной символизации помогает нам выйти за рамки восприятия политических символов как "картины мира" или "зеркала реальности". Процесс политической символизации состоит в коллективном смысловом взаимодействии, не только воспроизводящем существующие смыслы, но и производящем новые. Это сообщает политической символизации универсальную коммуникативную функцию.

Ключевые слова: политическая символизация, символ, позитивизм, символический синтез, политическая реальность, политические фантазии, политическая коммуникация.

Способность к символизации как исключительно человеческий модус

Как бы ни развивались современные видетехнологии, политическая коммуникация – это прежде всего словесное взаимодействие. Словами мы способны передать любое политическое содержание (даже такое, которого нет в реальности – утопия, например). Любые политические объекты, функции, ценности, фантазии можно выразить словесно. Но власть в абсолютный оптимизм по поводу политического могущества слов нам мешает: очень простой пример: когда одни говорят "народ", другие "реорг", а третья "das Volk", политическое могущество языка может рухнуть, не начавшись по очевидной причине: языки разные. Поэтому, как минимум, две функции языка в политике фиксируются по факту различия языков: последние как соединяют людей, так и разделяют их уже самим различием языковых, смысловых и знаковых систем. Конечно же, это имеет место не только в политике, но в ней также исполнение влечет за собой намного более серьезные последствия, чем во многих других сферах человеческой жизни.

Михаил Георгиевич – доктор политических наук, профессор Департамента политической науки Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики". Адрес: Мясниковская ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: gmusikhin@hse.ru.

При более внимательном рассмотрении разъединяющая функция языков оказывается в определенной системе более четкой для понимания политики как сферы взаимодействия различных сообществ. Различие языков акцентирует внимание на том, что на конкретных языках обязательнее говорят конкретные группы, а не род человеческий как таковой. В этом смысле группа, будучи носителем языка, существует до личного индивидуального действия как такого. Люди не рождаются носителями языка, они становятся в процессе колективного взаимодействия. И ни у кого не вызывает отторжения, что языки – ельва ли не самые канонизированные системы знаков, а усвоение данных канонов было и остается социально престижным явлением: грамотный человек всегда вызывает уважение.

Можно предположить, что канонизация языков как основного средства общения и способа мышления ведет к специфической символизации языка как ключевого элемента человеческого развития. Полобные символы, включющие в себя не только знания, но и нормы поведения, задают принципиальное отличие как человеческого состояния от эволюции как природного явления. В основе эволюции лежит изменение генов, в основе развития – взаимодействие символов (см. [Elias 1989]). Именно язык как канонизированный символ человеческого общения стал основным способом отслеживания развития человеческих сообществ и одновременно производителем смысла такого развития.

Способность к символизации может мыслиться как безусловно человеческое существо, которого в принципе нет в мире природного детерминизма (в отличие от зародышей логического мышления, давно зафиксированного у развитых видов животных). В этой связи биологические, оправданно у развитых для живого мира без генетических изменений, человек с большим или меньшим успехом преодолевает в процессе развития без трансформации своего генотипа (на сегодняшний день мы можем летать, хотя нам не дано это от природы, и нам не пришло для этого "отращивать крылья").

Символическое мышление не только порождает язык, но и дает человеку способность структурирования (логика), благодаря чему *"пародии как таковые не являются тупиками человеческого мышления"*. Зачастую наоборот, они стимулируют выработку нового качественного состояния человеческой жизни и нового смысла существования социума. В политике это сугубо человеческая способность к символизации проявляется особенно ярко, отражением чего стали широко известные, хотя и антиагностические по своему содержанию концепции политического, которые "пародийским" образом перекликаются друг с другом [Шимитт 1992].

Благодаря способности к символизации, человеческие сообщества обладают фактически неисчерпаемой "емкостью" для поглощения, сохранения и "переваривания" новых впечатлений в сфере политической жизни. В этой связи политические сообщества всегда и уникальны, и способны спровоцировать исторические аналогии. В этом смысле пессимизм Г. Гегеля по поводу того, что "история учит тому, что она ничему не учит", не более чем досада на то, что человек принципиально отличается от животного и усваивает информацию не инстинктивно-логически, а символически, провоцируя взрывы развития, разрушающие ограничения эволюции. Если бы человечество училось у истории так, как этого хотел Гегель, то оно, скорее всего, говорило бы на едином для всех языке, по языку этот отличался бы от звуков *отчуждения шимтана*.

Символическое мышление позволяет людям одновременно выступать как субъектами, так и объектами социальной жизни. Способность к символизации дает возможность не просто менять форму и текстене социальной и политической жизни, но создавать феномены последней. Эти феномены обладают таким инновационным качеством, что логически вывести его из предшествующего состояния можно только "задним числом", полная реализация под уже известный ответ.

Политическая символизация как преодоление границ между “политическим разумом”, “политическим знанием” и “политическим языком”

Устойчивые дискурсы как “языковые обряды” способны исказить рациональное осмысливание политической реальности. Достаточно устоячивы в наше время научные дискурсы о языке, о разуме и о знании. Во многом поэтому *анализ языка политики, компетенции политики и политической информации рассматривается академично-ским сообществом как синонимитетные модули политической реальности*. При этом очевидно, что говорить, думать и знать в контексте политики приходится одновременно и разделение этих сфер возможно только теоретически или аналитически, а значит, оправдано только в случае приращения понимания политики, происходящего вследствие такого разделения как очевидного допущения. Если такого приращения не происходит, то выписанное разделение выглядит более чемомнительным.

Можно признать, что все три вида деятельности (говорить, думать и знать) связаны с созданием сферы символической жизни человека вообще и в политической реальности в частности. *Политические цены, как никакие другие, являются результатом интерактивного взаимодействия, высступают, в свою очередь, стимулом этого взаимодействия*. Даже самое глубокое знание о ней как результат изолированного размышления о политике возникает для того, чтобы быть *рассказанным* как можно большему количеству людей. Именно *диалог* – самая устойчивая и критически необходимая форма политического общения со временем античности [Derrida 1997; Festenstein, Thompson, Koty 2001]. Даже *грамотность как таковая* (*умение читать и писать*) в политике не *стать необходима, как демократия*.

Следует отметить, что именно распространение грамотности стало цензовым фактором современной политики, маскируя ее символическое содержание. Грамотность фактически стала фундаментом для возможности теоретического и аналитического разделения политического слова, политической мысли и политического знания. Однако в процессе политической демократии это разделение претерпевает *символическое снятие* (достаточно вспомнить, сколь неуместно выглядит политик, читающий по бумажке правильные слова). Причины разделения мыслительного, познавательного и языкового модусов политики, конечно же, выходят далеко за рамки политического контекста. Во многом это следствие исторически сложившихся стереотипов о природе человека. В данных стереотипах *человеческий разум* был “независимой переменной” по отношению к языку и познанию. Что может быть “естественнее” отождествления разума с “вещевыми” законами логики? В сравнении с этой константой соня меняющихся человеческих языков представлялся как сфера, нуждающаяся в автономном изучении. То же относилось и к процессу постоянного накопления (или потери) знания, сопровождавшегося выработкой специфических инструментов познания.

Разделение исследования сфер разума, знания и языка не будет проблематичным, если просто признать за этими понятиями существование трех различных областей анализа, которыми *de facto* занимаются разные сообщества ученых. Однако вышеназванное разделение приобретает сомнительный смысл, если отождествлять эти три понятия с различными функциями, которые в лучшем случае *какими-то образом* соединяются между собой, образуя “*целостность*” человеческой личности. Более того, самый поверхностный экскурс в историю покажет, что даже такое стабильное понятие и слово, как разум, было поддержано сильному влиянию великих “интеллектуальных молды”. Разум мог быть на пике популярности (во времена Просвещения), а мог подвергаться интеллектуальным “*гонениям*” (в период расцвета постмодернизма). Поэтому взаимосвязь между разумом, знанием и языком может быть вполне понята, если концентрироваться именно на символическом характере самой взаимосвязи и ее динамики, а не на онтологических основаниях данных трех понятий, так как динамика их онтологии может заблокировать исследование как таковое (достаточно назвать имена И. Канта и К. Леви-Строса, чтобы осознать возникающие на этом пути сложности) [Kant 1999; Levi-Strauss 1994].

Акцент на символическом характере взаимосвязи между разумом, знанием и языком концентрирует внимание не на политической онтологии, гносеологии и семантике как таковых, не на понимании природы “человека политического” (*homo politicus*) введении индивидуального политического актора, но *на взаимосвязях в политическом сообществе*. Мы фиксируем и анализируем повторяющуюся коллективную неспособность ясно выразить в стандартизованной знаковой форме политическую позицию по отношению к отправителю и получателю политического сообщения. Этого недостаточно для понимания как *если бы* субстанциональных структур языка, знания и мысли, которые как будто бы существуют независимо от людей, которые говорят,думают и знают о политике. Но именно такая эпистемологическая “*стремость*” позволяет нам *открыться* на особенности строения языка, мысли и знания в политическом сообществе, способного к политической символизации.

Можно отметить, что даже чистый анализ тех или иных функций из аналитически разделенных сфер политики имплицитно предполагает наличие принесенного комплекса не было (см. [Lasswell, Smith, Casey 1946]). Знамитое число исследований политического языка сосредоточивается на анализе языка как такового, не задаваясь вопросом о том, как могут существовать реевые акты без знания того, о чем говорить (см. [Wodak 1989; Герасимов 2002]). Лишь на первый взгляд такой вопрос не нужен вследствие очевидности. Тот же дискурс-анализ в лучшем случае фиксирует “*платоновскую тень*” того, что и как мы знаем о том, что мы знаем. Мы изучаем политические процессы, события и представления не иначе, как через языковую систему, даже если это выражено в количественных показателях, зачастую не думая, что *многие мысли производятся именно при соприкосновении сферы языка и знания о политике*.

Ориентация на функциональную раздельность проявлений человеческой рефлексии вообще и политической в частности отражается и на терминологическом уровне. В науке принято использовать термин “*мыслиение*”, реже термином “*разум*” и фактически никогда “*дух*”. Хотя так было не всегда. Вспомним гегельскую диалектику абсолютного духа и немецкую академическую традицию “*Geistgeschichte*” [Дильтеи 2004]. Современное символическое понятие “*духа*” возникает в среде немецкого романтизма, противопоставляющего аналитическому рационализму органический символический синтез (см. об этом [Шеллинг 1966; Mueller 1920; Novalis 1931; Schlegel 1964]). При этом и рационально-аналитическое понимание разума, и органическое символическое понимание духа исходят из одного и того же допущения об *ожидающейся последовательности возможных будущих действий без реального сопрочтения какого-либо действия*. И если для символического организма это естественное состояние, символизирующее окапление будущего, то аналитический функциональный подход пытается замаскировать лаг между реальностью и не-реальностью, называя это научным прогнозом, хотя степень достоверности такого прогнозирования в политике весьма сомнительна. Поэтому, *если с разницами выражения “*духовная сфера*” и “*функции мышления*”, то последнее более научно только стилистически, но не фактически*.

Лишь обозначив относительность аналитического разделения мыслиения, знания и языка, можно сделать интуитивное допущение, что именно язык (как речь) – тот элемент интеграции, который соединяет эти три сферы в символическое целое. Если прибегнуть к метафоре, то данное единство можно уподобить устройству *тектонической струбы*, где именно язык выполняет роль *механизма стыкования и разобщения сфер мышления и познания*. В этом смысле язык – не только средство коммуникации, но и способ ориентации в сферах мышления и знания. Символические конструкции языка действительно снимают различия между мыслительными и познавательными процессами сами вообще и между политической информацией и ее осмысливанием в частности. И именно при помощи языка мы можем актуализировать данные различия. Анализируя символическое пространство политики, можно увидеть пространство политических смыслов, поняв их соотношение, а через это увидеть пространство политических онтологий и может заблокировать исследование как таковое (достаточно назвать имена И. Канта и К. Леви-Строса, чтобы осознать возникающие на этом пути сложности) [Kant 1999; Levi-Strauss 1994].

Символический синтез политической реальности лучше других способов позволяет понять разнообразие политических сообществ (так же, как разнообразие языков очевидным образом демонстрирует разнообразие человеческих сообществ). При этом процесс политической символизации не есть одностороннее действие или воздействие. *Символическое пространство политики возникает как спонтанное неконцептуальное социальное взаимодействие, порождающее при этом устойчивые (и, уже концептуальные) модели отображений.* Их было бы неверно отождествлять с процессом политической символизации, в противном случае будет заблокирован способ понимания возникновения нового политического качества. Это то же самое, что отождествить структуру языка с самим смыслообразованием: тогда получится, что язык самим фактом своего существования делает невозможным индивидуальное мышление вообще.

Политическая символизация между реальностью и фантазией

Возникшие из политической символизации модели социальных отношений способны оказывать снимающее воздействие на коллективную память. Знавательная часть информации из прошлого не будет отрицаться, *она просто не будет воспроизведиться в символических конструкциях*. Будет происходить символическое "тескотолическое" сжатие социальных восстаний и генерализация фрагментов прошлого, актуальных для политического сообщества в тот или иной момент времени. Это показывает *символическую основу того, что мы называем фантазией или обобщением*. Передача генерализованной информации о несуществующем составляет важную часть политической жизни, и было бы упрощением называть это ложью или дезинформацией. Хотя К. Маркс в свое время так и сделал, назвав подобную генерализованную фантазию идеологией [Маркс 1960]. Однако политические фантазии как знание о несуществующем не исчезают, они преодолеваются идеологией. Рискуя предположить, что без ображения *массовая самоидентификация в политике была бы невозможна*, Плоды в массе своей не владят полнотой политической информации; более того, лакуны реальных знаний о политике, как правило, очень велики (см. [Converse 1964]). Эти лакуны и заполняются *политическими фантазиями, которые в какой-то степени конгруэнты политической реальности, но самой этой реальности не являются*. Во многом именно поэтому подавляющее большинство граждан даже в развитых либеральных демократиях не разбираются в идеологиях как таковых, но когда дело доходит до выбора, "неважественный" избиратель почему-то делает безошибочный идеологический выбор [Cartwright, Keeter 1996], то есть не разобравшись в логике социализма, его сторонники выбирают правильное, так же, как и сторонники консерватизма.

Можно допустить, что политические фантазии присущи политической эlite, в не меньшей степени, нежели неэлитным группам граждан. Экспертное знание еще не означает способности реального воздействия на жизнь социума. Мировой финансовый кризис 2008 г. не стал неожиданностью для экономистов, однако политическая элита "резала" об обратном, создавая тем самым *реальную* цель политических событий.

Можно допустить, что политические фантазии пришли из политической элиты не меньшей степени, нежели незлитецкие группами граждан. Экспертное знание еще не означает способности реального воздействия на жизнь социума. Мировой финансовый кризис 2008 г. не стал неожиданностью для экономистов, однако политическая элита “грезила” об обратном, создавая тем самым *реальную* цель политических событий.

Если посмотреть на политическую действительность, то можно обнаружить явную особенность, на которую не обращают должного внимания. Если дело касается важных вопросов, мы никогда не устремимся от политиков фразы: “Я не знаю / мы не знаем”, хотя реальность незнания и неспособности дать адекватное действительности объяснение в политике встречается довольно часто. Факт незнания или неспособности объяснения всегда маскируется *риторическими языками конструкции*, которые в пространстве политической символизации есть как будто бы: *знание, понимание и объяснение*. При этом “как будто бы” в ходе символической политики генерализации понятий опускается (или телескопически склоняется) [Джинн 2001].

Риторические политические конструкции действительно до некоторой степени контролируют реальность, поэтому нельзя просто сказать, что “политика – грязное дело”. Люди тысячелетиями видели восход и закат Солнца, давая объяснение как этому событию, так и тому, что такое Солнце. И только в XX в. стало возможным эмпирическое опровергнуть эти представления.

тически обоснованное научное знание о том, что есть Солнце (не факт, что это знание полное и окончательное). И это имело место в случае со знанием физических явлений, не обладающих, в отличие от сознания и индивида, способностью к причиненной причинности [Катт 1964]. Поэтому можно сказать, что *политические фантазии есть символическое выражение политической реальности*. О чем-то подобном говорил М. Фуко, доказывая реальность и производительную силу дискурса [Фуко 2012]. Однако, на мой взгляд, дело обстоит шире и глубже, так как политические символические конструкции неизбежно являются диалогами.

Необходимо осознавать, что политическая «презы» — неотъемлемая часть осмыслив-

Сама политическая реальность, понимаемая Симоновичем, включает элементы политической фантазии, так же, как последовала отсылка к политическим фактам. В этой связи можно говорить о специфическом комплексном чувствовании политической реальности (в кантовском смысле *sensus communis*) из "Критики способности суждения" [Кант 1995]. Неспособность позитивистского видания политики к анализу такого чувства политической реальности привела к разрыву между теорией культуры и современной политической науки. В результате ссылка на то, что культура влияет на политику, стала бесследжательной и не подлежала аналитической опровергательизации. Позитивистский эмпиризм превратил культуру в беспричинную причину политических событий. Данное "превращение" заключается в обыденности всех социально и политически значимых событий культурной принадлежности как таковой. Это можно проиллюстрировать знаменитой концепцией о столкновении цивилизаций [Хантингтон 2003]. С. Хантингтон объясняет грядущее столкновение разных культур, их различных... культурным происхождением. Фактически такой подход можно описать следующим тезисом: христианская и исламская цивилизации столкнутся, и мы не зна-

Игнорирование не-позитивистского символического содержания политики делает культуру *последней*, но *бессодержательной инстанцией* объяснения политики. Зачастую исследователи обращаются к концепту культуры только в случае, если все остальные подходы не дали никаких результатов. Когда экономические, демографические, организационные, политические, экологические и прочие объяснения исчерпывают себя, только тогда в ход идет культура, которая "такова, какова она есть, так как она такова" [Thompson, Terweij, Ellis 2006]. При этом представляется триумф, что театр, живопись, литература и другие виды художественной культуры взаимодействуют с политикой, и взаимодействие это – социальное и интерактивное. То есть ни у кого в научном сообществе не вызывает возражений, что коллективо воспринимаемый и претерпрудируемый художественный вымысел так или иначе находится с политической жизнью в состоянии взаимовлияния. Более того, подобного рода фантазии имеют со-

циальный характер, ибо индивид, оставшийся один на один со своими фантазиями без всякого выхода в социум, может представить опасность, как для других, так и для себя. Такие содиальные фантазии, зачастую находясь в очевидной конфронтации с рационально выведенным знанием, тем не менее, стимулируют развитие мышления и рационального восприятия политики в частности. При этом механизмы символизации могут сделать эту взаимосвязь непреложимой. Вспомним знаменитый лозунг в Италии времен президентизма: “*Viva Verdi!*”, который стал зашифрованным призывом к освобождению и обединению страны (V.F.R.D.I.: по-итальянски аббревиатура “Виктор-Эммануил король Италии”).

Политическая символизация и процесс осознания

Политической реальности

Выщеприведенный пример демонстрирует символическое взаимодействие языка как такового с мышлением как таковым, и взаимодействие это именно очевидные политические последствия выпадотки генерализованного кола массовой мобилизации сторонников объединения Италии. В данном случае символическая функция языка может быть зафиксирована как способность установления социального контроля. Однако данный контроль возможен только в случае, если социум владеет общим языком как родным. *Обладение языком в таком контексте означает обладание самим мышлением*, так как без общего для социума языка невозможно осознание чего-либо в общепринятой знаковой форме. С позиций современного научного знания мышление как таковое стоит несомненно выше языка как такового. Считается, что язык произведен от универсальной внесущей человеческой способности мыслить (см., например, [Жинкин 1998]). Языку же нужно еще научиться в конкретной ситуации социального контекста. Однако, даже если признать справедливость такой иерархии, политическая действительность демонстрирует, что *научение языку, а не мышление как таковое, приобщает людей к политике, способствуя коллективной самоидентификации*. Люди общаются и понимают друг друга, только если они говорят и знакомы с информационным контекстом речевой ситуации. Могут быть и другие виды общения, но они произвольны от речевой коммуникации.

Рискну утверждать, что признание универсальности законов разума (как законов логики, например) имеет весомый эвристический потенциал при рефлексии политической реальности. Какие бы отговорки при этом ни делались, мы всегда будем исходить из того, что в политике существуют некоторые универсальные законы, функционирующие независимо от того, что люди узнают и понимают в конкретных ситуациях политического взаимодействия. В результате огромный пласт содиальной реальности будет выпадать из поля зрения как поддающийся научному изучению, а следовательно, не значимый для “истинного” объяснения политических процессов. То есть *неспособность понять политику будет подтверждаться отсутствием необходимости объяснять ее под тем или иным углом зрения*.

Имплицитная аксиоматическая универсальность законов политики, господствующая в современной политической науке (как бы ни пытались это отрицать так называемые теории среднего уровня (см. об этом [Дебатто 1997])), – самое трудное препятствие для понимания связи между политическим языком и политическим мышлением. Даже если признается их взаимосвязь, исследуются они большей частью по отдельности. При этом *каждующаяся очевидность присущности человеческого разума в социальной действительности – не более чем “лингвистический объект”*, принятый в силу его долгого использования даже академической наукой. Мы объявляем разум сутью (или частью) человеческой природы, но, в отличие от всех других природных (и многих культурных) явлений, разум не подлежит беспорочной эмпирической фиксации. По отношению к разуму вообще и политическому разуму в частности мы пребываем в состоянии массовой икры, помешав мыслительный центр в головной мозг и убеждая себя, что мышление можно исследовать так же, как крохотное или пищеварение. Это массовое притворство имеет давнюю историю, если вспомнить слово “душа”. Ее также “помещали” в человека как нечто, само собой разумеющееся, хотя никто

никогда ее не видел и не опушпал другими органами чувств. Такая игра в разум как в нечто само собой разумеющееся на сегодняшний день, по сути, оказывается попыткой “спрятать” мышление от позитивизма, вернее, *позитивизм делает вид, будто не существует, что разум в позитивистской системе координат обладает онтологией и познанием или фантазии*.

Естественно, что такой онтологической иллюзии, которая есть как будто бы реальность, легко придать универсальный модус. Язык в этой “паре умопотребления проигрывает, так как легко эмпирически фиксируется как проклятие Вавилонской башни (языков много и они разные). Однако если перестать играть в “как если бы эмпирическую реальность мышления”, то проблема соотношения разума и языка получает новый импульс для развития.

В основе такого соотношения можно поставить то, что и мышление, и язык оперируют символами. Пропесс символизации позволяет трансформировать речевые ситуации в мысли, а мысли в слова. Здесь для нас не столь важно, что первично, а какая политическая смысловая реальность формируется через коммуникацию посредством стандартизированных комплексов звуковых сигналов, которые (комплексы) и есть язык как многообразие речевых ситуаций в обществе. Мы понимаем смысл актуальной политики не только потому, что владеем навыками логического мышления (хотя это тоже необходимо), но и потому, что приобщены к знанию о символических взаимосвязях слов и смыслов в определенном социальном контексте. Именно такая символическая многосторонность восприятия политики позволяет одновременно не только воспринимать ситуацию здесь и сейчас, но и выходить за ее рамки, формулируя наши предположения, главное, что они есть.

Политическая символизация как преодоление позитивистской Эпистемологии политики

Теория языка, как правило, мало интересуется теорией познания, и наоборот. Может быть потому, что их базовая взаимосвязь как будто бы лежит на поверхности: чтобы пользоваться языком, им нужно овладеть, а чтобы осуществлять познание чего-либо, это нужно делать в форме мысли, систематизированной в языковых знаках (даже если эти знаки математические). Все другие виды познания носят полигониальный характер. Может показаться странным, но основной массив исследований современной политической науки редко затрагивает тему передачи знания (не информации) в политической жизни (из немногих работ на эту тему можно отметить [Petiti 1993; Lipia, McCubbin 1998]) и тем более тему структурных характеристик этого знания, хотя именно эти характеристики дают возможность обмениваться смыслами между людьми и передавать эти смыслы – зачастую с серьезными и неоднократными изменениями с течением времени (см. об этом [Михалин 2012]) – из прошлого в будущее. Исследования политических коммуникаций хотя и набирают силу, до сих пор маргинализируются позитивистской политической наукой, ориентированной на анализ массивов количественных данных. При этом фигуру умолчания остается то, что за подавляющим числом таких данных стоит в высшей степени идеологизированное либеральное допущение о существовании автономного и самоностаточного индивида. По сути дела, *позитивистская эпистемология современной политической науки делает такого минимого индивида основным субъектом познания*. Поэтому массовое межличностное общение если и “допускается” как предмет академического исследования, то в лучшем случае как изящная “виньетка на полях” основного позитивистского “текста”.

В основе написания такого “текста” лежит исследовательский эгоцентризм, логика которого состоит в том, как абстрактный автономный ученьи узнает от других о политике, независимо от того, как и что он как часть сообщества узнает от других участников политической жизни. Если учитывать такое эгоцентрическое допущение, то связь между языком как средством межличностного общения и познанием как сред-

ством интеллектуальной ориентации человека становится неочевидной и зачастую *аналитической излишней*.

Хотя совместными усилиями постмодернизма и постструктурализма эпистемология карлезианства была подвергнута проблематизации (или деконструкции в постструктуралистском вокабуляре) [Trotter 1998; Derrida 2000], современная политическая наука продолжает существовать, как будто бы эпистемология Р. Декарта остается универсальной теорией, охватывающей все сферы человеческого познания. В результате задана *операционализация политического знания* (сама по себе, безусловно, важная) подменяет собой *онтологический статус такого знания*. Получается, что если мы анализируем только то, что поддается *рationalization* в числа, знаем, другого знания о политике попросту не существует или, в лучшем случае, оно имеет *востомагательный* характер. Чистая теория языка, используемая современной политической теорией, в той ее части, которая концентрируется на лингвистической анализе, по сути – зеркальный перевертыши выпеописанной ситуации, так как прежде всего занята структурной и систематизацией языковых знаков, а не тем, как посредством этих знаков формируются актуальные смыслы политической реальности. В результате от подобного лингвистического теоретизирования ускользает посредническая функция языка, связывавшая воедино и идеальный модус политической жизни (см., например, [David 2014; Fairclough 1989]).

Традиционно эпистемология не учитывает аспекты социальной стандартизации звуковых моделей взаимодействия. Такая стандартизация позволяет им функционировать в качестве знаковых комплексов объектов смыслового взаимодействия, другими словами, в качестве понятий. Для эпистемологии понятия существуют как таковые, сразу образуя процесс познания. Тем самым имплицитно игнорируется “*схожести перевода*” одной политической реальности в другую, если они говорят на разных языках. Именно социальная стандартизация звуковых моделей взаимодействия создает принципиальный эпистемологический консенсус коммуникативного взаимодействия в рамках общества. Этот консенсус принципиально необходим, даже если все остальные политические аспекты взаимодействия будут иметь конфликтный характер.

Как это ни покажется странным (если оставаться в рамках традиционной поэзийстской методологии), но сложность соотнесения разных языков социальной стандартизации звуковых моделей лучше всего можно заметить на примере самой абстрактной сферы осмысливания политики – в сфере политической теории. (Применяя на самой глубинной уровне понимания политики (*а потому самыи универсальныи*) именно *политическая теория наиболее жестоко разделена по языковому признаку* [Dzuruk, Horng, Phillips 2006].) В этом нет ничего удивительного, если исходить из символического единства языка и познания: принципиальный спор о самом понятии, оно же политики может быть комплексно осмыслен только в контексте того языка, на котором ведется этот спор. Более того, сама возможность формирования новых концепций существует в том числе благодаря бесконечной изменчивости звуковых комбинаций, которые может произвести речевой аппарат человека. И несмотря на то, что этот аппарат биологически идентичен у всех людей, мы имеем дело с огромным количеством разнообразных языков именно в силу разнообразия вариантов социальной стандартизации звуковых моделей.

Подобная стандартизация не всегда может быть зафиксирована с помощью столь любой теоретиками языка теории дискурса (см., например, [Fairclough 1992]). Как бы ни был изобретен метод дискурс-анализа, он не зафиксирует таких важных элементов социальной коммуникации, как смех, крик, жест или улыбка. Мы можем говорить об анализа характера последней улыбки может быть спонтанной, но может быть и лекционной, что оказывает серьезное воздействие на всю ситуацию коммуникации (политическую в том числе). Политическая коммуникация как никакая другая зависит от контекста времени и пространства, а не только от прогнозных слов и производных смыслов.

Символическая генерализация кодов взаимодействия (язык в широком смысле слова) дает возможность в рамках политической (и не только политической) реальности выходить за рамки контекста “здесь и сейчас”. При этом происходит не только

накопление политического знания как информации, но и развитие этого знания как *нового политизации политики*. Это ведет к качественно новому восприятию политики, либо новое понимание существует не в категориях “*лучше-меньше*”, “*лучше-хуже*”, или даже “*истинно-ложно*”. Новое понимание может быть (или стать) *формой*, создавая тем самым казус *развития*, а не только *изменения*. Понимание нового качества политики как другого возможно только, будучи результатом *символического синтеза отологического и эпистемологического модулов политики*. Такое новое качество имеет *эретический* (и потому неконцепциональный) момент коммуникативного социального взаимодействия, когда новое понимание политики становится социально значимым. Именно так возникают “*идей*”, которые правят миром.

Слово “*идей*” не случайно взято мной в кавычки. Символическое представление идей как бестелесных субстанций, существующих вне времени и пространства, превращает их в фантомы, которые не предстают познавательной ценности и уж тем более не обладают способностью социальной мобилизации. Символическая генерализация понятий, которых, согласно Н. Луману, есть власть [Lumam 2001], возможна только в контексте места и времени, то есть в конкретной ситуации, которая и запускает механизм генерализации.

При этом, благодаря символизующей способности языка, колективная коммуникация может смешать акценты, ставя в разных ситуациях вследу углы либо субъекты коммуникации, либо объекты последней. Заметив тяготу особенности языка Фуко посчитал это исчезновением субъекта в дискурсе (подробнее о критике такого “*исчезновения*” см. в [Коберниас 2003]), сувь тем самым эвристическую ценность своего открытия. Знаменитый лозунг первой избирательной кампании Б. Обамы “*We Need Change*” не просто иллюстрировал возможность смешения таких акцентов, но и пытался технологически ее использовать, делая акцент то на субъекте “*We*”, то на объекте “*Change*” в зависимости от изменения контекста предвыборной борьбы.

Политическая символизация как производство новых смыслов

Понимание речи как социальной символизации помогает нам выйти за рамки понимания политических символов как “*картины мира*” или “*зеркала реальности*”. Тем самым можно преодолеть ложную альтернативу, трактующую язык либо как “*окно*” в политическую реальность, либо как “*занавес*”, эту реальность прикрывающий. Выход за пределы подобных пространственных метафор осуществляется через понятие языка. Слова имеют смысл, только если мы имеем дело с речью как процессом социальной коммуникации. Процесс *политической символизации* состоит не только (и не столько) в передаче определенным образом закодированной знаковой информации; он состоит в коллективном смысловом взаимодействии *не только бестпроизводящим* существующие смыслы, но и производящим новые. Новые смыслы могут возникнуть как продукт индивидуального интеллектуального творчества, но символическое значение они приобретают только в результате социального взаимодействия.

Это символическое значение всегда неразрывно связано с политической реальностью, либо соответствует ей, либо отворачивается от нее (искажая ее). Для нас принципиально важно, что и то и другое имеет смысл. Политические фантазии не менее значимы, чем экспертное знание о реальных политических процессах. И в том и в другом случае общие понятия образуют общий смысловой фонд языка, понятный и тем, кто грезят, и тем, кто анализируют. Это сообщает *политической символизации универсальную коммуникативную функцию*.

При этом нужно помнить о том, что политическая символизация синтезирует в себе как когнитивные исказения, произведенные языковой знаковой системой, так и эпистемологические “*постулаты*”, которые как бы верны независимо от политической конъюнктуры. Для примера можно вспомнить часто воспроизводимое экспертным сообществом аксиоматическое утверждение “*рынку нет альтернативы*”, которое на самом деле *символизирует* ситуативный социально-политический консенсус экспертиного сообщества о преимуществе рыночного механизма над плановым. В данном случае для нас не первостепенно значимо, имеет ли место идеологическая иллюзия или ситуатив-

ное экспериментальное соглашение об истине. Принципиально важно, что и в том и в другом случае участникам политической коммуникации *понятно*, о чем *надо речь*, а значит языковое толкование как средство политической коммуникации обладает очевидной самостоятельностью, но одновременно существенно, кто именно – социально структурированная модель политических смыслов и знаний или ситуация складывающаяся речевая ситуация? Однако не следует забывать, что в случае с политической символизацией метафора эволюции бессмысленна (то есть ошибочна). *Политическая символизация не экологизирует, а раздвигается*. Новое качество (появление смысла) возникает из существующего массива знания тех, кто им обладают. Однако акт возникновения – не результат конвенции коммуницирующих, но сам выступает основой нового соглашения о смыслах.

Символы, будущие посредниками между объектами и субъектами, способными поменять последние местами, обладают благородством этому способности быть *почти идентичными* с действительностью, при этом действительность не является. Именно тут находится тот “зазор”, произошедший новые социальные смыслы, ибо мы можем посмотреть на социальную реальность и изнутри, и со стороны, символически и отождествляя себя с ней, и абстрагироваться от нее же. Полное символическое отождествление и абстрагирование делает грудиразличимой, а порой *бессмыслицей*, границу между политическими фактами и политической фантазией. И то и другое мы знаем, и то и другое мы способны отождествлять с политической реальностью и отдельней. Принципиально значимо здесь то, запускается ли процесс политической символизации (на фактической или иллюзорной основе), ведущий к колективной самоидентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельности жизни*. СПб.: Алетейя.
 Герасимов В.И. (2002) Политический дискурс-анализ // Политическая наука. № 3. С. 61–71.
 Давыдко И.Ф. (1997) Р. Мерген и его теория среднего уровня // История теоретической социологии. В. 4. т. 3. М.: Канон.
 Деррида Ж. (2000) О грамматологии. М.: Ad Marginem.
 Дильтей В. (2004) Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе.
 М.: Три квадрата.
 Жниккин Н.М. (1998) Язык. Творчество. М.: Лабиринт.
 Кант И. (1995) Критика чистого разума. М.: Наука.
 Кант И. (1964) Соч. В 6 т. Т. 4. М.: Мысль.
 Леви-Строс К. (1994) Первобытное мышление. М.: Республика.
 Люнгар Ж.-Ф. (1998) Состоине постмодерна. СПб.: Алетейя.
 Лумах Н. (2001) Власть. М.: Практис.
 Маркс К. (1960) Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Политиздат.
 Мусихин Г.И. (2012) Идеология и история // Общественные науки и современность. № 1. С. 134–146.
 Фуко М. (2012) Археология знания. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”.
 Хабермас Ю. (2003) Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир.
 Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. М.: ACT.
 Шеллинг Ф.В.Й. (1966) Философия искусства. М.: Мысль.
 Шmitt K. (1992) Понятие политического // Вопросы социологии. № 1. С. 35–67.
 Caprini D., Keefer S. (1996) What Americans Know about Politics and Why it Matters. New Haven: Yale Univ. Press.
 Converse P. (1964) The nature of belief systems in mass publics // Ideology and Discontent. New York: Free Press. P. 206–261.
 David M.K. (2014) Language, Power and Manipulation: the Use of Rhetoric in Maintaining Political Influence // Frontiers of Language and Teaching. No. 5. Pp. 164–170.
 Derrida J. (1997) Politics of Friendship. London: Verso.
 Dryzek J.S., Honig B., Phillips A. (2006) Introduction // The Oxford Handbook of Political Theory. Oxford: Oxford Univ. Press.
 Elias N. (1989) The Symbol Theory: an Introduction. Part one // Theory Culture Society. Vol. 6. London: Sage. Pp. 169–217.

Symbolization as Contextual Synthesis of Political Ontology, Political Epistemology and Political Language

G. MUSIKHIN*

* Musikhin Gleb – doctor of Political sciences, professor of the Department of Political Science at National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: gmusikhin@hse.ru.

Abstract

The author displays that due to symbolic thinking people can act at the same time both as subjects and objects of social life. The article proves that the analysis of the language of politics, the competence of politics, and political information are considered by the academic community as independent modes of political reality. However, the political actors speak, think and know in political context simultaneously. Therefore, the conceptual focus of the research isn't on the political ontology, epistemology and semantics as such but on the relationships in the political community. It is shown that the symbolic space of politics emerges as a spontaneous nonconventional social interaction creating a stable (and already conventional) model of relations, which isn't fixed in the framework of the positivist approach. The author argues that the understanding of language as a social symbolization goes beyond the perception of political character as a “world view” or “mirror of reality.” The process of political symbolization is a collective interaction of meanings not just reproducing the existing meanings but generating new ones as well. This gives the political symbolization a universal communicative function.

Keywords: political symbolization, symbol, criticism of positivism, the symbolic synthesis, political reality, political imagination, political communication

REFERENCES

- Fairclough N. (1992) Discourse and social change. Cambridge : Polity Press.
 Fairclough N. (1989) Language and Power. London: Longman.
 Festenstein M., Thompson S., Rorty R. (2001) Critical Dialogues. Cambridge: Polity Press.
 Lasswell G.D., Smith B.L., Casey R.D. (1946) Propaganda, Communication and Public Order. Princeton: Princeton Univ. Press.
 Lupia A., Mc Cubbins M.D. (1998) The Democratic Dilemma: Can Citizens Learn What They Need To Know? New York: Cambridge Univ. Press.
 Mueller A. (1920) Vorlesungen ueber die deutsche Wissenschaft und Literatur. München: Drei Masken Verlag.
 Novalis (1931) Fragmente // Baxa J. Einführung in die romantische Staatswissenschaft. Jena: Gustav Fischer.
 Pettit P. (1993) The Common Mind: an Essay on Psychology, Society and Politics. Oxford: Oxford Univ. Press.
 Schlegel A.W. (1964) Die Kunstschriften. München: Kohlhammer.
 Thompson M., Verweij M., Ellis R.J. (2006) Why and How Culture Matters // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. Oxford: Oxford Univ. Press.
 Wodak R. (1989) Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam: Walter Benjamin.

- Derrida J. (2000) *O grammatologii* [Grammatology]. Moscow: Ad Marginem.
- Derrida J. (1997) *Politics of Friendship*. London: Verso.
- Devjatko I. (1997) R. Merton i ego teoriya srednego urovnya [Robert Merton and his theory of the middle level]. *Istorija teoretičeskoy sociologii* [History of Theoretical Sociology]. In 4 vol. Vol. 3. Moscow: Kanon.
- Dil'jev V. (2004) *Sobraniye sochinenij*. V 6 t. T. 3. Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe [Works: Construction of the historical world in the human sciences]. Moscow: Tri kvadrata. In 6 vol. Vol. 3.
- Dryzek J.S., Honig B., Phillips A. (2006) Introduction. *The Oxford Handbook of Political Theory*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Elias N. (1989) The Symbol Theory: an Introduction. Part one. *Theory Culture Society*, vol. 6. London: Sage, pp. 169–217.
- Fairclough N. (1992) *Discourse and social change*. Cambridge : Polity Press.
- Fairclough N. (1989) *Language and Power*. London: Longman.
- Festenstein M., Thompson S., (2001) Rorty R. *Critical Dialogues*. Cambridge: Polity Press.
- Fuko M. (2012) *Arheologija znanija*. [Archaeology of Knowledge]. St. Petersburg: IC "Gumanitarnaja Akademija".
- Gerasimov V. (2002) Politicheskij diskurs-analiz [Political discourse analysis] *Politicheskaja nauka*, no 3, pp. 61–71.
- Habermas Ju. (2003) *Filosofskij diskurs o moderne* [Philosophical Discourse of modernity]. Moscow: 'Ves' mir.
- Huntington S. (2003) *Stolknovenie civilizacij* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST.
- Kant I. (1995) *Kritika spusochnosti suzhdenija* [Critique of Judgment]. St. Petersburg: Nauka.
- Kant I. (1999) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure Reason]. Moscow: Nauka.
- Kant I. (1964) *Sozh. V. 6 t. T. 4* [Works]. In 6 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
- Lasswell G.D., Smith B.L., Casey R.D. (1946) *Propaganda, Communication and Public Order*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Levi-Strauss K. (1994) *Pervobytnoe myshlenie* [Prehistoric thinking]. Moscow: Respublika.
- Liotar Zh.-F. (1998) *Sostojaniye postmoderna* [The postmodern condition]. St. Petersburg: Aleteya.
- Luman N. (2001) *Vlast'* [Power]. Moscow: Praksis.
- Lupia A., Mc Cubbins M.D. (1998) *The Democratic Dilemma: Can Citizens Learn What They Need To Know?* New York: Cambridge Univ. Press.
- Marks R. (1960) *Nemeckaja ideologija* [The German Ideology]. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. T. 3. M.: Politizdat.
- Musihin G.I. (2012) Ideologija i istorija [Ideology and history] *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 134–146.
- Mueller A. (1920) *Vorlesungen ueber die deutsche Wissenschaft und Literatur*. München: Drei Masken Verlag.
- Novalis (1931) Fragmente. Baxa J. *Einführung in die romantische Staatswissenschaft*. Jena: Gustav Fischer.
- Pettit P. (1993) *The Common Mind: an Essay on Psychology, Society and Politics*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Schlegel A.W. (1964) *Die Kunstslehre*. München: Kohlhammer.
- Shelting F.V.J. (1966) *Filosofija iskussstva* [Philosophy of Art]. Moscow: Mysl'.
- Shmitt K. (1992) Poniatie politicheskogo [Concept of the Political]. *Voprosy sociologii*, no. 1, pp. 35–67.
- Thompson M., Verweij M., Ellis R.J. (2006). Why and How Culture Matters. *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Wodak R. (1989) *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*. Amsterdam: Walter Benjamin.
- Zhinkin N. (1998) *Jazyk. Rech'. Tvorchestvo* [Language. Speech. Creativity]. Moscow: Labyrinth.